

Глава 1

За окном уныло выл ветер. Я сидела у камина с книгой, но не читала, так, перелистывала страницы, не вдумываясь в сюжет. А впрочем, во что там прикажете вдумываться: если в завязке имеется невинная девица и храбрый рыцарь, которому отказали в сватовстве, то будьте покойны, к концу романа любящие сердца всенепременно воссоединятся!

Внизу, в так называемой гостиной, что-то упало и покатилося со звоном, но я не обратила на это внимания: наверно, кошка озорничает, а может, не кошка, а мышь. Нужно будет сказать служанке, чтобы перемыла посуду, да как следует. Ничего не имею против кошек, мышей не боюсь, но есть с ними из одной тарелки все же не желаю.

Мне показалось, будто кто-то отодвинул стул, но, верно, это было игрой воображения. Кому, скажите на милость, двигать стулья посреди ночи, когда слуги давно спят? Это только я засиживаюсь глубоко за полночь, отпустив горничную, потому что страдаю бессонницей и могу не спать до утра. Ничего хорошего в этом нет, после бессонной ночи у меня дурное настроение, а чувствую я себя отвратительно, но, увы, ничто не помогает. Ни травяные настои, ни разговоры, ни попытки утомиться за день так, чтобы упасть и уснуть... Что ни делай — несколько ночей

в месяц я вовсе не сплю, забываясь лишь изредка и ненадолго.

Так вот, у меня очень тонкий слух, поэтому посторонние шумы в пустом доме я прекрасно отличаю от привычных. Внизу творилось что-то странное, и я решила спуститься посмотреть: пока я добужусь горничной, ночной гость успеет испариться!

Я угадала — кто-то шнырял по гостиной, не зажигая света, а стало быть...

— Кто здесь? — негромко спросила я.

У меня был фонарь, но я закрыла на нем шторы, чтобы незамеченной спуститься по лестнице. Скрипучие ступеньки я знала наперечет, видела в темноте неплохо, да и в любом случае — в своем доме мимо двери не промахнешься!

— Отзовитесь, иначе я крикну слуг!

Шорох раздался впереди, я подняла штору на фонаре, и в луче света обнаружилась темная фигура.

— Не надо никого звать, хозяйка! — скороговоркой произнес незванный гость, зачем-то показывая мне пустые руки. Хотя, возможно, он просто закрылся от света. — Я ничего не сделал!

— Да, всего лишь забрался в чужой дом, — кивнула я, держа фонарь на вытянутой руке так, чтобы самой видеть незнакомца, но не освещать своего лица. — Кто ты такой?

— Никто, — усмехнулся он. — Просто голодный бродяга. Думал перехватить тут хоть хлеба корку, а если повезет, то и еще чего-нибудь, да в шкафах — шаром покати! В смысле, съестного ничего, только вот соль нашел, и той щепотка...

— Не там смотрел, — фыркнула я. — Неужто не понял? Это гостиная, тут в шкафах припасов нет.

Кстати, а не прилип ли у тебя к рукам какой-нибудь кубок или еще что? А ну, подойди ближе!

— А ты что же, вовсе меня не боишься? — спросил он, делая шаг вперед. — Одна, без слуг... Вдруг я разбойник?

— С чего бы мне тебя бояться? Я одна, как ты сказал, но и ты один. И еще неизвестно, чья возьмет, если ты вздумаешь ко мне руки тянуть.

— Ну так и стулом можно огреть, и кочергой...

— И топором, — в тон ему добавила я, свободной рукой выдернув сзади из-за пояса маленький, но очень острый топорик. — Хочешь поспорить, что я смогу раскроить тебе голову с десяти шагов?

— Да нет, знаешь, не рискну, — пробормотал он. — Рука у тебя, сразу видно, привычная, пускай и левая, а голова мне еще пригодится... Хозяйка, отпусти подобру-поздорову? Могу все карманы наизнанку вывернуть: ничего не успел прихватить! Думал, хоть подсвечник или ложки серебряные найду, а тут сплошь чугун да олово!

— Ты вроде бы еду искал, — напомнила я, — а не ложки с канделябрами.

— Так одно другому не мешает...

Ночной гость тяжело вздохнул, а я услышала, как заурчало у него в пустом животе. Говорю ведь: у меня очень хороший слух!

— Иди направо, вниз по лестнице, — велела я. — Да не оглядывайся...

Он послушался, а я пошла следом, держась в нескольких шагах позади него.

Конечно, оставаться один на один с таким человеком было опрометчиво: бродяга оказался очень высок, широкоплеч и, даже если ослабел от голода (хотя я бы не сказала, что он слишком отощал), на-

верняка мог быть опасен для одинокой женщины. Но я скучала, вдобавок эта треклятая бессонница... Ну а когда у меня в руках оружие, я вовсе теряю голову.

Отец частенько говорил, что мне следовало родиться мальчишкой, а мама ужасалась нашим забавам: он учил меня ездить верхом без седла, стрелять из лука и арбалета, драться на шестах, ножах и топорах (до благородного меча я тогда еще не доросла), метать в цель те же ножи с топорами... словом, всему тому, чему отцы обучают сыновей, а никак не дочерей. Но что поделать, Создатель не даровал ему сына, только меня и мою сестру — вот она-то как раз была настоящей благородной девицей и за нас обеих отбывала повинность по рукоделию и прочим изящным наукам. Я тоже умела вышивать, рисовать и музицировать, но при первой же возможности удирала прочь от дамского общества...

— Это что, кухня, что ли? — недоуменно спросил бродяга, оглядевшись в тусклом отсвете моего фонаря.

— Она самая. Ты же сказал, что голоден, так садись и поешь, от ужина наверняка что-нибудь да осталось. Подавать не стану, руки заняты, — сказала я без тени усмешки. — Вон там, в ларе глянь да в печи.

— Вот спасибо, хозяйка... — пробормотал он, открыв заслонку и заглянув в печь. — Недурно твои слуги живут, если от ужина почти целая миска каши остается! А тут что? Ух ты, и хлеб совсем свежий, и сыр...

Тут он поднял голову и пристально взглянул на меня, но я снова отвела руку с фонарем в сторону, спрятавшись в тени.

— Не отравлено, не бойся. Можешь даже око-рока себе отрезать и пирога взять, кладовая во-он там, — указала я.

— Если ты мне еще вина предложишь, я решу, будто помер и оказался в садах Создателя, — искренне сказал он, отрезав себе изрядную краюху хлеба.

— Чего нет, того нет, — отозвалась я. — Я хмельного не пью, а пиво слуги уже выхлестали, теперь маются, ждут, когда подвода с припасами придет. Всякий раз так выходит.

— Сами бы вино состряпали, дел-то... — пробормотал бродяга, набрасываясь на еду. Похоже, он и впрямь сильно оголодал: холодную кашу со шкварками проглотил в один миг, запив водой из бочки, а хлеб с сыром и кусочком окорока смаковал так, будто это был королевский ужин, уж молчу о пироге с потрохами! — Ягод в ваших краях всегда видимо-невидимо, жаль только, ни их, ни грибов еще нет, а то я бы на подножном корму как-нибудь перебился. Только парой земляничин сыт не будешь, а другое все сплошь незрелое.

— Какие уж грибы, сушь стоит с самой весны, да и зима бесснежная была, — вздохнула я. — Странно, что ягоды попадают, яблоки вон осыпаются, всю ночь паданцы по крыше барабанят.

— Да и ягод, видно, не будет, так зелеными и пожухнут, — кивнул он. — В лесу страшно костер разводите: этак полыхнет — до самого перевала все выгорит. Еще и ветер — мигом огонь разнесет, а если сосны да ели вспыхнут, никакой дождь не потушит. Хорошо, у вас тут торфяников нет, а то там, за перевалом, я низиной шел — старое болото горит, а хуже того не придумаешь.

— Неужто?

— Ну да. То ли костер кто-то не затушил, то ли молния ударила... помнишь, была в прошлом месяце сухая гроза? Или не дошла она сюда?

— Какая-то дошла, а та самая или нет, не знаю, — покачала я головой. — Вроде бы побрызгало дождем, едва пыль прибило...

— Может, и она, — кивнул бродяга лохматой головой. Теперь, присмотревшись, я видела, что он черен то ли от грязи, то ли от загара. Спутанные волосы казались темными (но поди пойми, были ли такими от природы или от той же грязи!), а цвета глаз я разобрать не смогла. — Словом, сперва верховой пожар прошел, но несильный, до деревни не добрался, там просека широкая, а ветер утих, на удачу... Ну а торф-то затлел. Говорят, уж порядочно выгорело. В одну ямину несколько коров ухнуло: он же там, внизу тлеет, а сверху трава как трава, разве что пожухшая, но скотина разве разбирает? Пастух сам чудом за ними не угодил, успел отскочить...

Я представила несчастных животных, обреченных заживо сгореть в огненной ловушке, и содрогнулась. А уж запах, наверно...

— Дым там стоит такой, что руку вытяни — ничего не видать, — добавил бродяга. — Даже ветер не спасает, гоняет его по кругу, вот и все. Дождей бы на месяцок, может, и залило бы пожар, но, похоже, не будет их. Зимой, может, потухнет, а может, и нет... Если еще одна зима бесснежной выдастся, то по весне заново разгорится, такие пожары, бывает, годами не утихают!

— А тебе что за дело, если ты не здешний? — спросила я. — Иди себе куда глаза глядят, подальше от дыма, вот и все дела.

— Ну, я не вовсе уж чужак тут, — серьезно ответил он, прожевав. — Отец мой отсюда родом, а я хоть и рос по большей части в других краях, все одно сюда тянуло. Пришел однажды — и влюбился...

— В девицу? У лесорубов дочки хороши: крепкие, рослые, статные, как сосны молодые!

— Да нет, не в девицу! — Бродяга показал в улыбке до странного белые зубы, такие не у каждого придворного щеголя увидишь. — В те самые сосны. В скалы, в закаты ваши сумасшедшие, а уж как тут дышится... Легко, привольно, так бы и полетел, особенно если ветер с моря!

— Давно бродяжничаешь? — спросила я не без улыбки, такими забавными показались мне его слова. Нашел невидаль: скалы да сосны! Они тут повсюду, куда ни посмотри...

— Считай, еще до рождения начал, — серьезно ответил он. — Матушка моя с отцом вместе скиталась, и где уж они меня зачали, сами не скажут, не помнят, каким ветром меня надуло. Видно, здешним: родился я далеко отсюда, а меня все равно сюда тянет, хоть ты расшибись! Нет края лучше, либо же я его еще не нашел, но если найду...

— Ты наелся? — перебила я, и так уж видя, что он подобрал снесь до крошки. Мне просто наскучило стоять на лестнице как диковинная статуя. — Если так, то иди с миром. Не стану предлагать тебе ночлег: ночи нынче теплые и сухие, авось, и под открытым небом не продрогнешь. Возьми с собой хлеба да солонины — она там же, в кладовой, — и попрощаемся.

— Это с чего бы такая щедрость? — спросил он, наклонив голову к плечу.

— У меня бессонница, — честно ответила я, — а ты меня развлекай. Считай это платой.

— Знаешь, хозяйка, я бродяга, но не шут гороховый, — серьезно сказал он, — и развлекать тебя не нанимался. Жаль, угощение обратно вернуть не смогу, хотя...

— Стой, прекрати немедленно! — воскликнула я, когда бродяга сунул два пальца в глотку. — Испачкаешь пол — вылизывать заставлю! Я не шучу!

— Какие уж тут шутки... — сглотнул он, увидев, как я поудобнее перехватила топорик. — Ладно, не серчай. Занесло меня малость, очень уж я гордым уродился, мне и отец с матерью так говорили...

— Забавно, мне твердили то же самое, — хмыкнула я. Фонарь давно стоял на перилах лестницы, и я переложила топорик из левой руки в правую. Ею я владею хуже, но с такого расстояния не промахнусь, приди нужда. — «Гордячка» — так меня называли и требовали смирить нрав да вести себя как подобает благородной девице.

— Вижу, не вышло, — вздохнул бродяга. — Знаешь, хозяйка... Я, пожалуй, взял бы хлеба ковригу и сыра кусок на дорогу, но не за болтовню. Может, у вас тут починить что-нибудь нужно, прибрать? Крышу на сарае перекрыть или стены выбелить? У меня руки нужным концом приставлены, от работы я не бегаю, просто... — он пожал могучими плечами, — на месте мне не сидится, а пришлым мало где рады, своих работничков хватает!

— Хозяйство у нас в порядке, — ответила я, — лишние руки не нужны. Жаль, что ты не хочешь поговорить еще, за это я бы тебе не только провизии, а и денег на дорогу дала.

— О чем ты? — нахмурился он.

Брови у него были очень густые, темные, и хоть я видела, как блестят под ними глаза, вряд ли сумею бы разобрать их цвет, даже подойдя вплотную. Разве что при свете дня, но никак не в тусклом луче фонаря.

— Расскажи мне, что творится в столице, о чем говорят, о чем сплетничают, и я щедро тебя награжу, — произнесла я, чувствуя странную дрожь внутри. — Ты же бродяга, ты должен слышать много всего, вот и перескажи мне, о чем болтают на улицах и в деревнях!

— Зачем это тебе? — помедлив, спросил он.

— Затем, что иначе мне никак этого не узнать, — сказала я, решив, что бродяге нет смысла выдавать меня, а если попробует... мне хуже не станет, а вот он вполне может лишиться головы. — Не так уж много людей пишет мне, и письма их читают. Слуги сами не высовывают носа из поместья, а с теми, что привозят припасы, мне никак не переговорить и передать с ними записку не выйдет: сами не прочтут, не сумеют, так передадут кое-кому... Крестьяне ничего не знают, да я и вижу их разве что издали... Ну а гостей и тем более чужаков здесь не бывает, ты первый незнакомец, которого я повстречала за последние три года!

Воцарилась тишина, только сверчок стрекотал где-то за печкой.

— Так ты что, в изгнании здесь, хозяйка? — вымолвил он наконец.

— А ты недурно соображаешь для простого бродяги.

— За что же тебя так? Я слышал, знатных дам ссылают в отдаленные поместья за то, что умышляли против своих мужей, изменяли... или просто

им надоели. Но ты, мне кажется, еще слишком молода для такого! А хотя... тут ведь выдают замуж очень рано... Я прав? Судя по твоему норову, благоверный и впрямь мог испугаться! Или ты ему рога наставила?

— Фу, какая пошлость! — фыркнула я. — Бери выше, бродяга. Я здесь потому, что меня обвинили в государственной измене!

— Чего?.. — выдохнул он и облился водой из кружки.

— Я злоумышляла против его величества, — с удовольствием выговорила я. — И не перестаяю этого делать, только вот возможности осуществить планы у меня нет, он постарался оборвать все мои связи с внешним миром... чтоб ему провалиться!

— Хозяйка... — опасно протянул бродяга. — А ведь за такое казнят... Я слышал, про короля слова дурного не скажи — мигом отволокут куда надо, а там... Или на галеры, или на виселицу, смотря что болтал. А ты... говоришь такое, ссыльная, а живая... Заплатила много? Или родня у тебя знатная, спасла от виселицы-то?

— Конечно, как же без этого, — зло улыбнулась я, пользуясь тем, что он не видит моего лица. — Знатнее моей родни ни у кого в этом королевстве нет!

— Да кто же ты такая? — удивленно спросил он.

— Я — принцесса Жанна, — ответила я, и бродяга уронил-таки кружку...

После долгой паузы он сказал:

— Я уж не стану спрашивать доказательств. Не по чину мне... И так понятно: государственная измена... за такое спасибо, если не на кол посадят, а сразу голову с плеч, а ты жива-живехонька... Я пойду, а?

— Стоять! — приказала я. — Куда это ты собрался? Я, кажется, сказала, что хочу услышать, о чем говорят в столице!

— Ты-то сказала, а мне вот совсем не хочется на виселицу, — проворчал бродяга. — А ну как слуги меня застукают? Они, поди, о каждом твоём шаге доносят! Тебя-то не тронут, может, сладкого лишат, а мне каюк..

— Верно, не стоит разговаривать на кухне, — кивнула я. — Иди за мной. Да не бойся!

— Ничего себе, у нее топор в руке, а я «не бойся»... — бормотал он по пути. — У меня только нож, да и тот паршивый, супротив топора с таким соваться смысла нет, и не важно, что тот у девицы в руке... А рука-то, сразу видать, уверенная, не дрова колола, ох не дрова...

— Хватит чушь нести, — велела я, распахнув двери в свои покои. — Входи. Надеюсь, блох у тебя нет?

— С утра не было, — вздохнул он, пытаясь разглядеть, куда ступает. — И мылся я третьего дня. В речке. А вчера в ручье умывался, да...

— Я тебя не в постель зову, — фыркнула я и поставила фонарь на столик. — Впрочем, ты и не согласишься.

— Почему это? — сразу заинтересовался бродяга. — Ты, хозяйка, молодая, фигура... мм-м... Волосы вон какие, ниже пояса, чистый шелк! Вот лица не видел, и...

— И не надо! — резко оборвала я, усаживаясь в кресло. — Присядь. Вон там табурет. В графине вино, стаканы рядом, налей себе, если хочешь.

— Ты же сказала, что хмельного не пьешь! — припомнил он.